

РЕЦЕНЗІЯ НА СОЧИНЕНІЕ

«Синтаксическія особенності винительнаго въ санскритѣ» (Студента А. Попова).

Въ представленномъ подѣ девизомъ—«Сарвах сарван на джанати» (Никто не знаетъ всего) трудѣ съ заглавіемъ «Синтаксическія особенності винительнаго въ санскритѣ съ сравненіемъ отличительныхъ чертъ этого падежа въ греческомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ» авторъ разбираетъ главныя синтаксическія отправленія одного изъ важнѣйшихъ падежей.

Авторъ расширилъ свою задачу, введши въ свое изслѣдованіе также языки зендскій, готскій, нѣмецкій, литовскій и славянскія нарѣчія. Источники, которыми авторъ пользовался, весьма многочисленны: такъ, относительно одного санскрита, встрѣчаемъ у него ссылки и извлеченія изъ двадцати изданій ведическихъ, эпическихъ и классическихъ произведеній древнеиндійской литературы. Разсматриваемый имъ падежъ авторъ дѣлитъ на I. винительный независимый (до 61 стр.) съ тремя подраздѣленіями: 1) винительный времени и мѣста, 2) винительный comitativus, 3) винительный отношенія; и II. винительный зависимый (accusativus objecti) съ такими-же подраздѣленіями. Затѣмъ авторъ разбираетъ двойные винительные (на 138—170 стр.), винительный съ неопредѣленнымъ (170—182 стр.); съ 183 страницы авторъ разбираетъ разные слу-

чаи ограниченія употребленія винительнаго. Въ разбираемомъ трудѣ болѣе всего выдаются впередъ богатство матеріала и систематичность въ изложеніи; многія отправленія винительнаго изображены авторомъ весьма рельефно и вѣрно. Такъ, напр., авторъ весьма удачно указалъ на отношеніе мѣстнаго къ винительному, неподтверждающее всѣхъ выводовъ, дѣлаемыхъ на этотъ счетъ локалистами. Приведенные имъ примѣры, гдѣ винительный выражаетъ пребываніе на мѣстѣ, а мѣстный движеніе къ цѣли, весьма характерны. Мѣстный, выражающій движеніе, встрѣчается въ санскритѣ вовсе нерѣдко; часто попадаются обороты въ родѣ слѣдующихъ: «hrdi tam atudat» (въ сердце его ударилъ), vana akṣīrat (въ лѣсъ бросилъ) и друг. Нѣчто подобное представляютъ и русск. *домой* (сербск. *кући*), которые хотя по формѣ мѣстныя, все-же выражаютъ движеніе. Въ греческ. языкѣ, особенно же у Гомера, часто дательный, т. е. первоначальный мѣстный, выражаетъ движеніе куда, а не пребываніе на мѣстѣ: *χαμα-ι πέσε* (упалъ на землю), *ἐν πυρί βάλλε* (бросилъ въ огонь), *ἔθηκε ἐν χερσίν* (въ руки положилъ) и пр.

На стр. 2 авторъ говоритъ: «суффиксъ *-m* въ нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ является указателемъ именительнаго: *ah-am* (я), *tv-am* (ты), *aj-am* (онъ) и пр. Въ приведенныхъ авторомъ словахъ *-am* оказывается однако не указателемъ именительнаго, а извѣстною указательною основой, лишенною всякой падежной характеристики. Авторъ не обратилъ должнаго вниманія на то обстоятельство, что упомянутыя основы вовсе не склоняются по тѣмъ образцамъ и правиламъ, которымъ слѣдуютъ основы существительныхъ. Обратимъ вниманіе только на родит. *mama*, образованный путемъ удвоенія изъ *ma*, на дат. *mahjam*, имѣющій особое окончаніе, на мѣстный указательнаго *asmin* и пр. Кромѣ того, мнимый указатель именительнаго встрѣчается во всѣхъ трехъ родахъ одинаково (*aj-am*, *ij-am*, *id-am*), онъ усматривается также во множественномъ и двойственномъ (*vaj-*

-am, jūj-am; āvat изъ *āva-am, jivām*), онъ попадаетъ даже въ дательномъ единственного и множественнаго разныхъ мѣстоименныхъ основъ (*ta-hj-am, jūṣṭa-bhj-am*), формы, какъ-то *ah-am, tvam, ijam, vajam* и пр., не содержатъ никакого суффикса извѣстнаго падежа, а представляютъ продуктъ или конгломератъ двухъ самостоятельныхъ первоначальныхъ основъ, изъ которыхъ первая представляетъ настоящее мѣстоименіе, вторая же имѣетъ характеръ чисто указательный, безъ котораго мѣстоименія въ весьма разнородныхъ языкахъ обойтись не могутъ. *Aham* значить такимъ образомъ «я вотъ», *tvam* «ты вотъ» и пр. Такое объясненіе вполне подтверждается приведеннымъ авторомъ санскр. *svaj-am* (самъ), которое можетъ выражать не только именительный и винительный, но и родительный, дательный, мѣстный и пр., однимъ словомъ—всѣ косвенные падежи, *-am* здѣсь служило бы, если бытъ послѣдовательнымъ съ авторомъ, указателемъ всѣхъ косвенныхъ падежей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ *svajam* представляетъ такую - же (хотя и болѣе сложную) форму безъ какого бы то ни было указателя падежнаго окончанія, какъ приведенныя *aham, ijam* и пр.

Утверждать, что падежъ съ суффиксомъ *-m* древнѣе падежа съ суффиксомъ *-s* можно бы только тогда, когда бы было доказано, что слова въ родѣ *aham* (я), *tvam* (ты) и пр. употреблялись раньше словъ *vrkas* (волкъ), *drumas* (дерево) и пр. На дѣлѣ же, насколько можно судить по аналогіи другихъ отраслей языковъ, совершалось противное, такъ-какъ именительный личныхъ мѣстоименій, какъ отвлеченное выраженіе извѣстной личности, получилъ весьма поздно свою особую формальную обстановку.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, высказаннымъ имъ на 8 страницѣ, что «винительный мѣстный и дательный трудно различимы съ точки зрѣнія локализма и что они являются въ языкахъ какимъ-то бесполезнымъ бременемъ». И тотъ, кто не сторонникъ безусловнаго локализма, частое слияніе между

собою оттънковъ значеній разныхъ падежей долженъ считать аксіомой въ нашей наукѣ; бесполезнымъ же бременемъ нельзя называть то, чего мы вполне не понимаемъ, да какъ-же намъ постичь всѣ тонкости падежныхъ отправленій и всѣ оттънки въ значеніи ихъ, когда они возникали и употреблялись въ столь отдаленныя для насъ времена? Очень сомнѣваюсь, чтобы въ языкѣ что-нибудь было бесполезно. Французъ или англичанинъ можетъ назвать употребленіе многократнаго вида, въ отличіе отъ однократнаго, бесполезнымъ въ славянскихъ языкахъ, но мы едва-ли присоединимся къ такому мнѣнію. Если въ арабскомъ языкѣ первое личное мѣстоименіе выражается черезъ *anī* или *anī* (смотря по тому, относится ли оно къ особѣ мужскаго или женскаго пола), если въ полинезійскихъ языкахъ первое личное мѣстоименіе множественнаго можетъ выражаться разнообразно, смотря по тому, включается ли говорящій въ число тѣхъ лицъ, къ которымъ обращается, или нѣтъ; если въ кавказскихъ языкахъ, особенно же въ нарѣчіяхъ нагорнаго Дагестана, имѣется болѣе десяти совершенно самостоятельныхъ родовъ; если между турецкими *söjlerim* и *söjlejörüm*, выражающими для насъ одинаково «я говорю», существуетъ почти неуловимая для насъ, но туземцу весьма понятная разница, то это можетъ показаться бесполезнымъ, но на дѣлѣ тутъ проявляется тонкое пониманіе оттънковъ въ значеніи словъ и формъ, къ которому мы въ настоящее время въ этомъ отношеніи по-крайней-мѣрѣ неспособны.

Неудачна попытка автора лишить локализмъ, по его словамъ, «роди принципа», на томъ предполагаемомъ имъ основаніи, что локализмъ чувствовался въ языкѣ прежде гораздо меньше, чѣмъ въ позднѣйшее время. Приведенныя имъ доказательства не только крайне скудны, но и ошибочны. Высказанное имъ столь важное положеніе, которымъ опровергается мнѣніе, выработанное въ теченіи многихъ десятиковъ лѣтъ въ нашей наукѣ, онъ

старается доказать отношеніемъ винительнаго къ мѣстному, указывая на то, что винительный иногда, хотя изрѣдка, употреблялся для означенія движенія отъ предмета, а съ другой стороны аблативъ для означенія движенія къ предмету; примѣры, которые онъ приводитъ, оказываются однако неубѣдительными, отчасти и невѣрными. а) Винительный въ приведенныхъ авторомъ примѣрахъ зависитъ отъ предлога, присоединяющагося къ глаголу въ видѣ префикса, а такія сложныя глагольныя формы для первоначальныхъ отправленій падежей ничего не доказываютъ, такъ какъ онѣ возникли весьма поздно; вѣдь еще въ ведахъ онѣ встрѣчаются относительно весьма рѣдко. Разберемъ его примѣры: «*rāgā na arajāti puram tama*», авторъ переводитъ: «царь не уходитъ изъ города», слѣдовательно винительному *puram* онъ даетъ значеніе аблатива. Въ хрестоматіи Бенфея, откуда этотъ примѣръ заимствованъ, въ глоссаріи встрѣчаемъ у *ara-jā* значеніе «*weggehen zu*»; *zu*, которое Бенфей весьма основательно прибавляетъ, относится къ слѣдующему за глаголомъ винительному, должно слѣдовательно переводить: «(пока) этотъ царь не уйдетъ въ мой городъ», а не «изъ моего города». Въ приведенномъ изъ зенда примѣрѣ: *frā naçus narem bavaiti* — по переводу Юсти «злой духъ покидаетъ человѣка» — винительный зависитъ отъ префикса *fra: frā-bavaiti* соответствуетъ санскритскому *prabhavati*, выражающему «пересиливается». Здѣсь имѣется въ виду не столько удаленіе, какъ простое перенесеніе дѣйствія на предметъ, зависящее отъ упомянутаго префикса. Съ такимъ же правомъ мы должны бы сказать, что винительный выражаетъ удаленіе отъ предмета въ предложеніи «онъ бросилъ ножъ на полъ». Въ третьемъ примѣрѣ, приведенномъ изъ краледворской рукописи: «*ostūpi na-dija vše kresťany*» глаголъ также находится въ связи съ префиксомъ. Если здѣсь обнаруживаются слѣды чередованія винительнаго съ аблативомъ, то въ силу такого - же умозаключенія

можно сказать, что въ русскомъ языкѣ чередуются винительный, дательный и мѣстный въ глаголѣ «быть», такъ-какъ «забыть» требуетъ винительнаго, «прибыть» дательнаго, а «пребыть» мѣстнаго. На-сколько префиксы могутъ видоизмѣнять коренной глаголъ и выражаемое имъ дѣйствіе по отношенію къ падежамъ, видно напр. изъ сравненія русскаго «стоять» и «отстоять», «быть» и «сбыть» и др. Въ приводимыхъ примѣрахъ глаголы должны слѣдовательно оказаться безъ всякихъ префиксовъ или предлоговъ. б) Такъ-же мало убѣдительны примѣры, гдѣ, по мнѣнію автора, аблативъ выражаетъ движеніе *куда*, вмѣсто движенія *откуда*. Онъ приводитъ здѣсь только два примѣра: скр. *dūrāt*, которое, будто-бы, значить «*fernhin*» вм. «*von fern*»; хотя авторъ ссылается на извѣстное, къ сожалѣнію, имъ не приведенное мѣсто въ гимнѣ о Парджанѣ (*Orient & Occident*); но въ петербургскомъ словарѣ, лучшемъ нашемъ источникѣ санскритологій, не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека такого значенія: такъ-какъ здѣсь пропускъ предполагать нельзя, то приведенный примѣръ считаемъ въ высшей степени сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что не знаемъ его обстановки въ данномъ предложеніи. На-сколько намъ извѣстно, *dūrāt* во всѣ періоды санскрита значило только «издали». Во второмъ приведенномъ примѣрѣ—*sarvato brāhmanā gatāḥ* «брамины пошли во всѣ стороны» *sarvato* не имѣетъ уже формы настоящаго аблатива; это есть чистое нарѣчіе на *-tas* и выражаетъ собственно «по всѣмъ сторонамъ», такъ-что точный переводъ приведенной фразы—«брамины пошли (разбрелись) по всѣмъ направленіямъ». Здѣсь *sarvatas* давно уже утратило значеніе настоящаго падежа, да и въ немъ вообще нѣтъ настоящаго падежнаго окончанія. Съ такимъ-же правомъ можно бы считать *kutra* (куда) какимъ-то древнимъ винительнымъ, *iha* (здѣсь) какимъ-то древнимъ мѣстнымъ и пр. формы *mattas* (отъ меня), *svarga-tas* (съ неба) и др. ничего не доказываютъ, такъ-какъ и *-tra* напр. пристав-

ляется къ существительнымъ такимъ же образомъ, вслѣдствіе чего возникаютъ своеобразныя нарѣчія: ведическ. *deva-trā* (между богами, къ богамъ), а *deva-tra* (не обращаясь къ богамъ) и пр. Такія формы, какъ видно, съ падежными окончаніями не имѣютъ непосредственно уже ничего общаго.

На 14—17 страницахъ авторъ развиваетъ мысль, что винительный могъ возникнуть безъ всякаго отношенія къ глаголу; по нашему взгляду такой винительный невозможенъ. Напрасно авторъ ссылается на результаты, добытые сравнительнымъ языкознаніемъ; они говорятъ противъ него, равно какъ приведенные имъ примѣры. Не можемъ разобрать ихъ всѣхъ, ограничимся только нѣсколькими словами по этому поводу. Тамъ, гдѣ теперь встрѣчаемъ винительный безъ соотвѣтствующаго глагола, глаголь или утраченъ вслѣдствіе столь часто употребляемаго въ языкахъ эллипсиса, или же онъ кроется въ невзрачной на-видѣ частичкѣ, въ междометіи или въ какой-нибудь другой части рѣчи. Это подтверждаютъ приведенные авторомъ примѣры. Что въ латинскомъ «*unde mihi lapidem*» выпалъ глаголь, соотвѣтствующій русскому «взять», кажется, очевидно и безъ всякихъ доказательствъ, равно какъ никто не затруднится подобрать подходящій глаголь въ русскомъ простонародномъ «ну его къ чорту» или въ чешскомъ «*aby ho všichni všudy*» и пр. Въ *eccum adest* (15 стр.) имѣемъ два предложенія: «*ессе еум аdest*». Здѣсь винительный зависитъ, очевидно, отъ *ессе*, которое, представля въ свою очередь междометіе, возводится къ корню *ak*, имѣющему значеніе «видѣть (оттуда санскр. *akṣi*, лат. *oc-ulus*, нѣм. *auge*, слав. ок-о и пр.). Такимъ образомъ «*ессе еум аdest*» выражаетъ буквально собственно «посмотри на него, онъ здѣсь». Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ санскрита, гдѣ винительный стоитъ за *dhik*, т. е. за междометіемъ, выражающимъ отвращеніе, презрѣніе: *dhik tam* «стыдно ему, горе ему» и пр. Здѣсь винительный обусловливается

предшествующимъ *dhik*, которое возводитъ къ глагольному корню *dih* (мазать, отравлять; *digdha* отравленный, ядовитый), такимъ образомъ *dhik tam* значило первоначально «отрави его!». Если въ послѣдствіи къ такимъ предложеніямъ приставляется иногда еще *astu* = лат. *esto*, то такое слово, образуя само по себѣ самостоятельное предложеніе, усиливаетъ только высказанное въ предшествующихъ словахъ желаніе. Въ сербскомъ на *ти сабљу* «вотъ тебѣ сабля», *на* въ качествѣ частицы представляетъ первоначальный глагольный корень съ значеніемъ «взять». Этотъ корень весьма распространенъ, такъ-какъ во многихъ американскихъ нарѣчіяхъ и въ китайскомъ языкѣ *на* (китайск. *на*) еще и теперь значить «брать, захватить». Приведенный авторомъ примѣръ изъ арабскаго языка «*inna' llāha rahi-man*» (ессе deum misericors) также сюда не подходитъ, такъ-какъ винительный (употребляемый впрочемъ исключительно въ литературномъ языкѣ) зависитъ отъ частицы *inna*, возводимой къ глагольному корню *anī* (достигать). То-же самое должно сказать и относительно остальныхъ приведенныхъ авторомъ примѣровъ. И въ приведенныхъ авторомъ на 27 стр. примѣрахъ «*er stand da, den Mund offen*», «*stabat ense in manu*» и пр. мы предполагаемъ самое несомнѣнное выпущеніе глагола (въ формѣ причастія или дѣеприсчастія), такъ-какъ изъ духа языка, не смотря на приведенныя тамъ-же авторомъ слова Дица, такіа явленія нельзя объяснить. Число встрѣчаемыхъ въ нашихъ языкахъ эллипсисовъ ничтожно въ сравненіи съ тѣми, которые попадаются въ языкахъ восточной Азіи, особенно въ китайскомъ, преимущественно въ древнемъ слогѣ, такъ-называемомъ *ku-ven*. Если авторъ говорить (на 53 стр.), что всякое прилагательное первоначально есть причастіе, а всякое существительное первоначально тождественно съ прилагательнымъ, то такое сужденіе болѣе, чѣмъ неточно. Что въ данномъ словѣ изъ значенія прилагательнаго могло развиваться существительное или на-

оборотъ, весьма понятно, равно какъ извѣстно, что прилагательныя и существительныя первоначально совпадали по образованію основъ, но нельзя отождествлять прилагательныхъ съ причастіями; причастія могутъ дѣйствительно переходить въ прилагательныя, но не на-оборотъ. Какія причастія представляютъ напр. санскр. прилагательныя *kāla* (черный), *śiśi* (чистый), *mṛdu* (мягкій), *gambhīra* (глубокій), *ghana* (твердый) и др.? Автору слѣдовало здѣсь точнѣе опредѣлить отношеніе существительнаго къ прилагательному съ одной, а къ причастію съ другой стороны.

На 62-й стран. авторъ говоритъ, что оборотъ «найти что» предполагаетъ болѣе древній оборотъ «итти что». Здѣсь авторъ попадаетъ въ ту-же самую ошибку, о которой мы упомянули выше: глагольный корень съ префиксомъ имѣетъ уже часто совершенно другую функцію, нежели тотъ-же глаголъ безъ префикса (или предлога). «Найти что» предполагаетъ болѣе древнее «итти на что», а не «итти что», а это «на что» выражалось въ нашемъ праязыкѣ (какъ еще видно изъ санскрита) черезъ простой винительный; винительный впоследствии для большей точности соединялся (хотя далеко не всегда) еще съ предлогомъ (какъ это часто видно въ Ведахъ), а еще позже такіе предлоги въ качествѣ префиксовъ примкнули къ глагольному корню.

Разныя неточности въ транскрипціи чужихъ, особенно санскритскихъ словъ отмѣчены мною въ самомъ трудѣ; транскрипція санскр. двугласныхъ *āi* и *ai* черезъ *ai* и *ai* есть непослѣдовательность со стороны автора, такъ-какъ *a* въ упомянутыхъ двугласныхъ всегда долгое, а авторъ долгое *a* всегда обозначаетъ черезъ *ā*.

Словопроизводства и этимологическія сравненія, вообще говоря, вѣрны и точны; авторъ, видно, обладаетъ вѣрнымъ критическимъ тактомъ, ограничивающимъ предѣлы, которыхъ нужно держаться при сравненіи разбираемыхъ словъ. Рѣдко встрѣ-

чаемъ не совсѣмъ подходящее или невѣрное словопроизводство. Такъ, напр., на 103-й стран. рядомъ съ санскритскимъ *krū* (кричать) слѣдовало привести нѣм. *kreischen*, которое къ санскр. слову стоитъ ближе, нежели *krächzen*, соответствующее по своей формации латинскому *crōcitāre*. Сопоставленіе нѣм. *harfe* съ глаголомъ *ruf en* совершенно неудачно. Въ древне-нѣмецкомъ языкѣ соответствующій глаголъ имѣлъ форму *hrōfan* (*hroafan*), а нѣм. *harfe* передавалось въ немъ черезъ *haraphā* (*harephā*). Этимологъ, знакомый хоть поверхностно съ основаніями словообразованія въ германскихъ языкахъ, воздержится отъ сравненія упомянутыхъ двухъ словъ. Ни одинъ германскій языкъ не допускаетъ преобразованія *hrōf* въ *haraph*; кромѣ того, значеніе глагола вовсе не подходитъ къ значенію существительнаго: *hrōfan* значить только «звать, кричать», но никогда не выражаетъ понятія «звучать», такимъ образомъ кромѣ фонетическихъ законовъ упомянутыя слова и по значенію не сходятся между собою. Авторъ въ этомъ случаѣ воспроизводитъ, правда, только сравненіе, встрѣчающееся въ сравнительномъ трудѣ *Фика*; но кто пользуется этимъ трудомъ, тотъ долженъ соблюдать большую осторожность и обладать вѣрнымъ критическимъ тактомъ, такъ какъ рядомъ со многими хорошими встрѣчаемъ тамъ также не мало негоднаго. Авторъ приводитъ также разные фиктивные санскритскіе корни, встрѣчающіеся только въ *Dxāmyada*, но неоказывающіеся въ памятникахъ, такъ напр. на 103-й стран. *ṣalbh* (звучать, хвастаться), на 109-й стран. *arg* (жарить) и друг.

Способъ изложенія, вообще говоря, удовлетворителенъ, но, встрѣчаются иногда мѣста туманныя, неясныя и даже совсѣмъ непонятныя. Къ такимъ мѣстамъ принадлежатъ напр.: на 74-й стран. «сочиненіе глаголовъ движенія не остановилось на винительномъ движенія къ цѣли»; на стран. 75-й «явленія первоначально одного рода дѣлятся: одни явленія подвергаются даль-

нѣйшему развитію, а другія остаются сравнительно неподвижными». Или же на той-же страницѣ: «Синтактическіе обороты, отрываясь отъ общаго теченія, теряютъ конкретное значеніе и дѣлаются сравнительно неподвижными». Въ такихъ и другихъ подобныхъ имъ мѣстахъ слышатся намъ отголоски слога Штейнтала, къ которому относятся извѣстные слова Шлейхера (на X-й стран. предисловія къ его литовской грамматикѣ): «Ich kenne nichts, was mir unerquicklicher wäre, als philosophisch sein sollendes Wesen in der Grammatik». На 210-й стран. авторъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Бенфея, говоритъ, что «санскритское *mādim* (*ātmanēpadam*) употребляется, когда дѣйствующее лицо дѣйствуетъ для себя, вообще, а не для того, чтобы получить извѣстную выгоду». Здѣсь слова Бенфея переданы не совсѣмъ точно. Бенфей говоритъ: «im allgemeinen, nicht etwa um einen bestimmten *Lohn* zu verdienen». Въ нѣм. языкѣ «*Lohn*» (награда, плата) и *Vortheil* (выгода) очень строго отличаются другъ отъ друга, и никакъ нельзя переводить одно черезъ другое. «*Bestimmten Lohn*» здѣсь слѣдовало передать черезъ «извѣстную плату» или «извѣстную награду». Бенфей этимъ хотѣлъ сказать, что *ātmanēpadam* выражаетъ всегда дѣйствіе, происходящее въ пользу дѣйствующаго, но что эта польза вовсе не должна быть опредѣлена конкретно; вѣдь дѣйствующій для себя не будетъ дѣйствовать противъ себя. Приведенные Бенфеемъ примѣры вполнѣ объясняютъ, что онъ понимаетъ подъ выраженіемъ — «*handelt für sich*»: *jagatê* передаетъ Бенфей черезъ «*er opfert für sich*» и прямо прибавляетъ тамъ-же «*zu seinem Vortheil, himmlischen Lohns willen*», «*çōrajatê*» *er stiehlt für sich* — тутъ польза конечно несомнѣнна, но она конкретно не опредѣлена. Дѣйствіе въ пользу дѣйствующаго высказывается также въ другомъ, приведенномъ Бенфеемъ примѣрѣ: «*krôdhan vi najatê*» «*er entfernt (dämpft) seinen Zorn*» и проч. Въ дальнѣйшемъ развитіи санскрита, осо-

бенно же въ періодъ послѣ *Kālidāsy*, усматривается дѣйстви-
тельно нѣкоторое ослабленіе этого первоначальнаго оттѣнка сред-
няго залога, но въ эпическомъ слогѣ онъ еще удерживается съ
строкою послѣдовательностью.

Стремленіе автора все объяснить весьма понятно, но оно
нерѣдко ведетъ къ натяжкамъ или къ заключеніямъ довольно
шаткимъ. Отъ такого стремленія предостерегалъ особенно часто
Шлейхеръ, усматривая въ немъ важный недостатокъ. Приведу
только одинъ примѣръ изъ разбираемаго труда. На 211-й стран.
авторъ коснулся страннаго употребленія въ санскритѣ родитель-
наго за глаголами, выражающими понятіе «дать». Онъ приво-
дитъ примѣръ «*brāhmanô gām dadāti*» «онъ даетъ корову
брамину», гдѣ *brāhmanô* стоитъ въ родительномъ. Онъ объ-
ясняетъ конструкцію такъ: «онъ даетъ корову, которая дѣ-
лается принадлежащею брамину, даетъ корову брамина, но эта
корова сдѣлалась брам. новою только послѣ того какъ была дана». Очевидно, что авторъ тутъ собственно ничего не объяснилъ, мы
все же стоимъ передъ загадкой, какъ вмѣсто дательнаго здѣсь
можетъ стоять родительный, который можетъ стоять и безъ
соотвѣтствующаго объекта: *dēhi tasja* = *da ejus*, т. е. «дай
ему». Полагаемъ, что въ такомъ случаѣ предпочтительнѣе всего
откровенно сознаться, что мы не въ состояніи объяснить такую
конструкцію.

Заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ на основаніи про-
изведенныхъ имъ изслѣдованій въ области винительнаго, считаю
вѣрными и основательными, но только до извѣстной степени.
Онъ полагаетъ, въ согласіи съ Курціусомъ, что винительный
былъ нѣкогда общимъ косвеннымъ падежомъ. Если онъ говоритъ,
что ни одинъ падежь не примыкаетъ такъ близко къ имени-
тельному, какъ именно винительный, что мѣстный, означая дѣлѣ
движенія и пребываніе на мѣстѣ, совпадаетъ съ значительной
частью винительнаго первой категоріи, и что дательный колеб-

лется между значеніем цѣли движенія и коммодальностью, то съ такимъ сужденіемъ вполне можно согласиться; тѣмъ не менѣе полагаю, что авторъ приписываетъ винительному болѣе важную роль, нежели ему по всѣмъ правамъ слѣдуетъ. Не вижу никакихъ по-крайней-мѣрѣ явныхъ для меня точекъ соприкосновенія между родительнымъ и винительнымъ, или между аблативомъ и винительнымъ. Самый поверхностный взглядъ на формальную или синтактическую сторону этихъ падежей убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы здѣсь находимся совершенно на самостоятельной почвѣ. Авторъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что эти падежи все-же представляютъ достаточно случаевъ чередованія, но пока онъ этого не докажетъ самымъ положительнымъ образомъ, мы имѣемъ право придерживаться совершенно противоположнаго мнѣнія. Не подпишемъ мы также его мнѣнія относительно инструментала, который будто бы «едва-ли не цѣликомъ представляетъ собою специализированіе и усложненіе значеній винительнаго». Если мы такимъ образомъ согласны назвать винительный до извѣстной степени общимъ косвеннымъ падежомъ, то такое названіе относимъ къ большинству бывшихъ прежде въ употребленіи падежей, но отнюдь не ко всѣмъ; при томъ-же нельзя упустить изъ виду, что, судя по развитію древнѣйшихъ арійскихъ языковъ, число падежей въ до-историческое время было гораздо больше, нежели въ извѣстные намъ періоды. Какое же мы имѣемъ право приурочить винительному роль настоящаго опекуна надъ всѣми прочими падежами? Этимологическія изслѣдованія не подтверждаютъ такого предположенія, а представленные авторомъ синтактическія данныя болѣе чѣмъ недостаточны для доказательства такого важнаго принципа.

Приведенные выше недостатки, которыхъ отчасти трудно избѣгнуть въ первомъ такъ-сказать дебютѣ въ области сравнительнаго языковѣдѣнія, вполне окупаются необыкновенными достоинствами этого труда. Авторъ дѣйствовалъ по заранѣе об-

думанному и хорошо обставленному плану; онъ приводитъ громадный матеріалъ изъ весьма многочисленныхъ индо - европейскихъ языковъ, этимологическія его сравненія за немногими исключеніями точны и вѣрны; мнѣнія и сужденія другихъ изслѣдователей онъ предварительно подвергаетъ своей собственной критикѣ; трудолюбіе и усердіе, съ которыми авторъ выполнилъ свою задачу, дѣйствительно изумительны; вездѣ проглядываетъ необыкновенная любовь и преданность своему предмету. Если авторъ, какъ онъ намекаетъ въ концѣ своего труда, желаетъ продолжать начатія имъ изслѣдованія, то не сомнѣваюсь, что изъ него выйдетъ весьма дѣльный и полезный труженикъ. На основаніи вышесказаннаго считаю этотъ прекрасный трудъ вполне достойнымъ награды золотою медалью.

Викентій Шериль.

Харьковъ.

29-го декабря 1878.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О КОМАНДИРОВКѢ ВЪ АСТРАХАНСКУЮ ГУБЕРНІЮ

ЗА ЯНВАРЬ—МАЙ 1879 ГОДА,

ПО ПОВОДУ ЧУМЫ,

Профессора д-ра А. И. Якобія.

12 января получилъ я, послѣ предварительно даннаго согласія, предложеніе г. уполномоченнаго Краснаго Креста В. М. Юзефовича пріѣхать въ Петербургъ, чтобы окончательно организовать устройство отряда Краснаго Креста, предназначеннаго для помощи въ астраханскую губернію по случаю эпидеміи чумы. По пріѣздѣ въ Петербургъ (15 января) и ознакомившись съ заготовленнымъ персоналомъ отряда (5-ть студентовъ медико-хирургической академіи), мы рѣшились ѣхать немедленно на мѣсто эпидеміи. Нѣсколько дней прошло въ выборѣ необходимыхъ вещей и инструментовъ, собраніи справокъ, полученіи консультаций нѣкоторыхъ врачей и проч. Въ теченіи этихъ немногихъ дней явился, сначала какъ слухъ, а въ-слѣдъ за-тѣмъ какъ вѣрное извѣстіе, учрежденіе особаго генераль-губернаторства для самарской, саратовской и астраханской губерній; выборъ палъ, какъ извѣстно, на графа Лорисъ-Мелихова. Въ лицѣ генераль-губернатора соединялись, по мысли учрежденія, вся власть и вся инициатива дѣйствія, и отрядъ Краснаго Креста примкнулъ во всемъ его составѣ къ этой болѣе обширной го-

сударственной помощи, на дѣятельность которой возлагались надежды Россіи. Въ виду важности задачи и разнообразія изслѣдованія, кромѣ студентовъ, предназначенныхъ для второстепенныхъ ролей, въ составъ отряда должны были войти: клиницистъ, патолого-анатомъ и санитарный врачъ; при отсутствіи лицъ для первыхъ двухъ обязанностей, я предложилъ В. М. Юзефовичу заручиться согласіемъ профессора Крылова; оно получено, и 24—25 января отрядъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и затѣмъ Царицынъ, куда прибылъ 28 января утромъ. Еще на-канунѣ я чувствовалъ лихорадочное состояніе и въ день пріѣзда сильно заболѣлъ; болѣзнь (воспаленіе легкаго) прoderжала меня въ комнатѣ около шести недѣль¹.

Не имѣя возможности принимать участія въ засѣданіяхъ санитарной совѣщательной комиссіи въ Царицынѣ, я передалъ д-ру Снегиреву тотъ общій планъ дѣйствія, который, по моему мнѣнію, вытекалъ изъ исторіи мѣръ противъ прежнихъ эпидемій чумы и соотвѣтствовалъ географическимъ условіямъ (чрезвычайно благоприятнымъ въ данномъ случаѣ) чумнаго района²; предложеніе это я просилъ д-ра Снегирева представить генералъ-губернатору.

По выздоровленіи я осмотрѣлъ нѣкоторыя части города Царицына и, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, поѣхалъ въ с.

¹ Во время моей болѣзни меня посѣщали многіе изъ бывшихъ въ то время въ Царицынѣ врачей, въ-особенности же считаю себя обязаннымъ д-ру Г. Н. Минху, профессору кіевскаго университета.

² Текстъ слѣдующій: 1) Чумная эпидемія эта очень мало извѣстна; поэтому признаемъ ее пока за самую опасную изъ чумныхъ формъ. 2) Царицынѣ долженъ быть сильно укреплень (медицински). Тоже—саратовская кордонная линія. 3) Чтобы успѣшнѣе бороться съ такою чумною формой должно дѣйствовать наступательно: выставлять рядъ параллельныхъ линій и систематически сжать чумную территорію отъ Сарепты на югъ и отъ Астрахани на сѣверъ. 4) Въ каждой полосѣ между параллельныхъ линій должно быть по крайней мѣрѣ по одному селенію. 5) Охранныя полосы должны быть совершенно очищены. Строгая кордонная линія впереди.

Сарепту для осмотра полосы, которая по распоряженію саратовскаго губернатора предназначена для охраны саратовской губерніи. Въ Сарептѣ я встрѣтилъ генераль-губернатора, возвращавшагося изъ Астрахани, и получилъ отъ него предложеніе отправиться въ замьянскій карантинъ на совѣщаніе съ цѣлью опредѣлить срокъ снятія карантиннаго оцѣпленія¹.

По окончаніи занятій въ Замьянѣ, я обратился (20 марта) къ генераль-губернатору съ просьбою разрѣшить мнѣ объѣхать оцѣпленный край или его наиболѣе сомнительныя мѣстности, съ цѣлью вызвать болѣе единства въ мѣрахъ ассенизаціи, и получилъ на это разрѣшеніе. Это порученіе окончено во второй половинѣ апрѣля². Въ теченіи этого времени я принималъ участіе въ двухъ совѣщаніяхъ въ Ветлянкѣ, а именно 28 — 29 марта и 9 — 11 апрѣля³. Эпидемія была уже кончена, оцѣпленіе снято и дѣятельность отряда Краснаго Креста закрыта къ 1-му мая. Имѣя въ виду, что разрѣшеніе совѣта харьковскаго университета представляло мнѣ возможность, въ случаѣ надобности, затратить еще нѣсколько времени, я счелъ правильнымъ употребить нѣсколько дней на то, чтобы осмотрѣть г. Царицынъ съ той точки зрѣнія, которая выражена мною въ одномъ изъ засѣданій второго ветлянскаго съѣзда, т. е. какъ мѣсто, назначенное для охраны внутреннихъ губерній Россіи отъ заноса чумныхъ эпидемій со стороны низовьевъ Волги. Результаты этого осмотра еще не могутъ быть въ настоящее время изложены, такъ какъ я еще не получилъ изъ Царицына необходимыхъ для того дополнительныхъ данныхъ.

¹ Члены совѣщанія были—проф. Минхъ, Крыловъ, д-ръ Снегиревъ и я; председатель проф. Эйхвальдъ. Текстъ совѣщанія имѣетъ быть напечатанъ, съ разрѣшенія генераль-губернатора, въ «Сборникѣ медіц. департамента министерства внутреннихъ дѣлъ».

² Текстъ моего отчета генераль-губернатору имѣетъ быть напечатанъ въ томъ-же «Сборникѣ».

³ Текстъ обоихъ совѣщаній имѣетъ быть напечатанъ въ томъ-же «Сборникѣ».

Миссія отряда Краснаго Креста въ астраханскую губернію, уже сама по себѣ, по своему принципу, имѣетъ большое значеніе для будущей дѣятельности Краснаго Креста. Общество это, какъ извѣстно, вызвано гуманными воззрѣніями нашего вѣка и вскорѣ вошло въ обычную жизнь народовъ Европы силою международнаго закона (женевская конвенція). Изъ исторіи Краснаго Креста видно, что общества постепенно, но систематически, уклонялись отъ своей первоначальной, строго - интернаціональной задачи: силою вещей общества были принуждены внести въ нее національный характеръ — помощь *своему* народу во время народныхъ бѣдствій сначала во время войны, а потомъ и помимо войны; и можно доказать ¹, что такое разширеніе принципа Краснаго Креста дѣлаетъ это почтенное учрежденіе дѣйствительно важнымъ факторомъ въ жизни государства. Посылка отряда Краснаго Креста была такимъ образомъ выраженіемъ этого принципа.

¹ Подробнѣе объ этомъ будетъ мною изложено въ особой статьѣ: «Задачи русскаго Краснаго Креста».

3-го августа 1879 года.

Южный берегъ Крыма. Алушта.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНИЙ

МЕДИЦИНСКОЙ СЕКЦІИ

ОБЩЕСТВА ОПЫТНЫХЪ НАУКЪ

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1879 года.

Первое полугодіе.

Х А Р Ъ К О В Ъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1 8 7 9.

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕРНОМУ

ОБЩЕСТВУ

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕРНОМУ

ОБЩЕСТВУ

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕРНОМУ

ОБЩЕСТВУ

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕРНОМУ

ОБЩЕСТВУ

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ

МЕДИЦИНСКОЙ СЕКЦІИ ОБЩЕСТВА ОПЫТНЫХЪ НАУКЪ ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,
24-го января 1879 года.

Присутствовали слѣдующіе гг. члены медицинской секціи общества опытныхъ наукъ: Зарубинъ, Тихоновичъ, Севастьяновичъ, Шилтовъ, Ковалевскій, Ясинскій, Пономаревъ и Киселевъ.

Секретарь секціи, д-ръ Пономаревъ, прочелъ годичный отчетъ о дѣятельности общества, изъ котораго видно, что количество засѣданій въ истекшемъ году было 5, сообщеній же—10.

Казначей секціи, д-ръ Севастьяновичъ, прочелъ годичный отчетъ о состояніи кассы медицинской секціи харьковского общества опытныхъ наукъ, къ 24 января 1879 года.

П р и х о д ъ:

Къ 25 января 1878 г. состояло: 1) Билетъ харьковского городского купеческаго банка, за № 23561, на 100 руб. 2) Два государственныхъ 5% банковыхъ билета 4-го выпуска 1876 г., за №№ 36,663 и 36,664, по 100 руб. каждый, 200 руб. 3) Наличными деньгами 42 руб. 63 коп.

Получены членскіе взносы: За 1873 г. 18 руб., за 1874 г. 12 руб., за 1875 г. 18 руб., за 1876 г. 12 руб., за 1877 г. 30 руб., за 1878 12 руб. Итого 102 руб.

Получено %: по двумъ билетамъ 1876 г. 10 руб., по облигац. второго восточнаго займа 2 р. 50 к.; итого 12 р. 50 к.

Всего получено денегъ съ оставшим. къ 25-му января 1878 года 157 руб. 13 коп.

Р а с х о д ы:

Приобрѣтена облигація 2-го восточнаго займа во 100 рублей, за № 254.901-мъ, 92 руб. По рѣшенію секціи отправлено на изданіе 2-й ч. Указателя кievск. общества естествоиспытателей 15 рублей. Служителямъ и другіе расходы на заведеніе секціи 14 руб. Итого 121 руб.

Къ 24 января 1879 г. состоитъ на-лицо: 1) Билетъ харьковскаго купческаго банка, за № 23.561, 100 руб. 2) Два государственныхъ 5% банковаго билета, по 100 руб. каждый, № 36.663 и 36.664, 200 руб. 3) Облигація 2-го восточнаго 5% займа, № 254.901, 100 руб. 4) Наличными деньгами 36 руб. 13 коп. Итого 436 руб. 13 коп.

По прочтеніи отчетовъ, были произведены выборы предсѣдателя секціи, товарища предсѣдателя, секретаря и казначея секціи. Большинствомъ голосовъ предсѣдателемъ секціи былъ избранъ профессоръ д-ръ И. К. Зарубинъ, товарищемъ предсѣдателя— профессоръ д-ръ И. Н. Оболенскій, секретаремъ— прив.-доцентъ д-ръ П. И. Ковалевскій и казначеемъ— прив.-доцентъ д-ръ П. А. Ясинскій.

Протоколъ засѣданія 28 февраля.

Присутствовали, подъ предѣтельствомъ проф. И. К. Зарубина, слѣдующіе члены медицинской секціи общества опытныхъ наукъ: Андрузскій, Ковалевскій, Пономаревъ, Поповъ, Тихоновичъ и Шилтовъ; гости — врачъ Чугинъ и нѣсколько студентовъ медицинскаго факультета 5-го курса.

Секретарь заявилъ о полученіи слѣдующихъ книгъ и статей: 1) Указатель русской литературы по математикѣ, медицинѣ и пр., за 1876 годъ, часть II-я. 2) Записки кievскаго общества естествоиспытателей. Т. V, вып. 3-й. 3) Медицинскій сборникъ, издаваемый кавказскимъ медицинскимъ обществомъ, № 28. 1878 года. 4) Протоколы засѣданій Императорскаго кавказскаго медицинскаго общества №№ 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15. 5) Экспертиза въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ по дѣлу о смерти Нины Андреевской. *Мамнина*. 1879 г. 6) Протоколы засѣданій общества врачей восточной Сибири, въ г. Иркутскѣ, за 1877 и 1878 гг., съ приложеніемъ къ этимъ протоколамъ.

Секретарь заявилъ о полученіи отъ ректора казанскаго университета отношенія съ увѣдомленіемъ о ходѣ подписки на стипендію покойнаго заслуженнаго проф. Аристова вообще и съ просьбою увѣдомить о ходѣ подписки на стипендію между членами общества. Рѣшили: Отослать подписной листъ обратно въ Казань, добавивъ при этомъ, что о подпискѣ сообщено каждому члену общества отдѣльно. —

Сдѣлано было сообщеніе д-ромъ Ковалевскимъ — «Къ ученію о галлюцинаціяхъ». Авторъ дѣлитъ всѣ аномаліи въ чувствительной сферѣ душевной дѣятельности на двѣ категоріи: *количественныя* и *качественныя* аномаліи. Къ первымъ относятся гиперестезіи и анестезіи, ко вторымъ — иллюзіи и галлюцинаціи. Онъ останавливается главнымъ образомъ на вопросѣ о происхожденіи галлюцинацій: будутъ ли онѣ периферическаго и интермедіальнаго происхожденія, или же центральнаго. Въ пользу периферическаго происхожденія галлюцинацій говорятъ слѣдующія обстоятельства: во 1-хъ, прекращеніе галлюцинацій при уничтоженіи виѣшняго раздраженія, такъ напр. прекращеніе зрительныхъ галлюцинацій при закрытіи глазъ и пр.; во 2-хъ, появленіе галлюцинацій въ одномъ какомъ-либо изъ парныхъ органовъ; въ 3-хъ, двойственность зрительныхъ галлюцинацій при неправильности зрительныхъ осей, и въ 4-хъ, одновременное появленіе галлюцинацій съ периферическимъ страданіемъ даннаго органа, такъ — галлюцинаціи слуха при *otitis externa*, галлюцинаціи зрѣнія при *hyperaemia retinae* и пр.

Обстоятельства, говоряція противъ периферическаго происхожденія галлюцинацій и въ пользу центральнаго происхожденія ихъ: во 1-хъ, исчезаніе галлюцинаціи при акціи того или другаго чувства, такъ напр. появленіе галлюцинаціи при закрытыхъ глазахъ и исчезаніе ихъ при открытыхъ; во 2-хъ, при периферическомъ раздраженіи происходятъ только отдѣльныя, простыя, несочитанныя ощущенія, какъ — простыя звуки, искры и пр.; въ 3-хъ, появленіе галлюцинацій въ обоихъ парныхъ органахъ при полной атрофіи одного изъ нихъ, и, въ 4-хъ, появленіе галлюцинацій при полной атрофіи обоихъ парныхъ органовъ.

Послѣднее доказательство центральности происхожденія галлюцинацій настолькоъ важно, что авторъ позволяетъ себѣ остановиться на этомъ вопросѣ долѣе. Онъ указываетъ на случаи зрительныхъ галлюцинацій при полной атрофіи органовъ зрѣнія,

приведенные Esquirol'емъ, Johnson'омъ, Romberg'омъ, Bergmann'омъ, Leubuscher'омъ и др. Къ этому онъ присоединяетъ два своихъ случая, которые удалось ему наблюдать въ казанской окружной лѣчебницѣ. Далѣе, авторъ останавливается на теоріи Luys'a-Ritti о происхожденіи галлюцинаціи и затѣмъ — на послѣднихъ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ о локализациіи сенсуальныхъ центровъ. Заключительные выводы автора: а) галлюцинаціи, имѣющія периферическое происхождение, относятся къ области иллюзій; б) всякой галлюцинаціи должно предшествовать особенное расположеніе къ отклоненію отъ нормы въ сенсуальныхъ центрахъ, и с) периферическая часть органа чувства можетъ имѣть только импульсивное значеніе въ продуцированіи галлюцинаціи, и безъ расположенія къ тому со стороны сенсуальныхъ центровъ не можетъ воспроизводить ихъ.

По поводу этого сообщенія возникли дебаты, въ которыхъ участвовали проф. Зарубинъ и д-ръ Поповъ. —

За болѣзнію д-ра *Денисова*, секретаремъ общества доложено было его сообщеніе — «Обзоръ движенія тифозныхъ больныхъ въ губернской земской больницѣ въ 1878 году». Движеніе тифозныхъ больныхъ въ теченіе года было далеко неодинаково. Наибольшее количество тифозныхъ приходится на конецъ января и начало февраля и затѣмъ на конецъ мая и начало іюня. Первое увеличеніе количества больныхъ обусловливалось большимъ количествомъ тифозныхъ — неопредѣленной формы тифа, второе — большимъ количествомъ больныхъ сыпнымъ тифомъ. Смертность больныхъ находится въ полной гармоніи съ количествомъ больныхъ. При статьѣ приложены рисунки, которые прекрасно передаютъ графически то, что сказано въ статьѣ цифрами.

Д-ръ *Шилтовъ* сообщилъ — «Обзоръ успѣховъ ларингоскопіи и риноскопіи за 1878 годъ». Д-ръ *Cadut* изобрѣлъ новый ларингоскопъ, который можетъ быть надѣтъ на всякую кабинетную лампу. Ларингоскопъ этотъ въ принципѣ не отличается

ничѣмъ отъ снарядовъ Кристиллера и Тобольда, такъ-какъ состоитъ изъ мѣдной трубки съ чечевицей и рефлектора. Рефлекторъ и мѣдная труба прикрѣплены къ лампѣ на одной горизонтальной линіи. Особенность этого снаряда состоитъ въ томъ, что ему при помощи винтовъ можно придать любое направленіе. По этому снарядъ этотъ полезенъ также для отоскопій и риноскопій.

Д-ръ Бругельманъ предложилъ, для хорошаго освѣщенія гортани, къ обыкновенному керасину прибавлять кислородный газъ. Берется каучуковый мѣшокъ въ 100 — 150 литровъ, наполненный кислороднымъ газомъ; мѣшокъ сообщается съ керасиновой лампой посредствомъ каучуковой трубки, конецъ которой проводится недалеко отъ пламенной лампы. Трубка снабжена винтомъ для регулированія количества газа.

Проф. Krishaber предложилъ новый способъ извлеченія инородныхъ тѣлъ изъ полости гортани безъ помощи гортаннаго зеркала. Онъ предварительно помощію гортаннаго зеркала удостоверяется въ присутствіи инороднаго тѣла, за-тѣмъ лѣвымъ указательнымъ пальцемъ входитъ въ полость гортани и оттягиваетъ epiglottis къ корню языка; за-тѣмъ правою рукою вводитъ въ гортань пинцетъ, слѣдуя по лѣвому указательному пальцу, и извлекаетъ инородное тѣло. Изслѣдуемый лежитъ поперегъ кровати, животомъ внизъ, при-чемъ голова должна лежать за краемъ кровати, а лицо обращено вверхъ къ свѣту; операторъ становится передъ нимъ на-колѣни.

Проф. Се (Hôtel-Dieu) излѣчилъ серьезный случай отѣка гортани, гдѣ предполагали дѣлать трахеотомію, дыханіемъ іодистаго этиля (Scr. 1) каждые $\frac{1}{2}$ -часа.

Мельцеръ предложилъ новое носовое зеркало, состоящее изъ трехъ параллельныхъ между собою створокъ, которыя раздвигаются при нажиманіи рукоятки зеркала. Зеркало это удобнѣе раздвигаетъ ноздри, чѣмъ двухстворчатое зеркало Френеля.

Проф. Ранцонъ употребляетъ съ успѣхомъ противъ озаена — салициловую кислоту въ видѣ впрыскиваній въ носъ.

Д-ръ Шилтовъ въ 3-хъ случаяхъ озаенае впрыскивалъ Лабарракову жидкость Scr. 1 на Unc. 6 воды. Достаточно было сдѣлать два впрыскиванія, чтобы зловоніе исчезло на нѣсколько дней; при повторенныхъ впрыскиваніяхъ зловоніе исчезало на недѣлю и больше. Какъ Лабарракова жидкость, такъ и салициловая кислота дѣйствуютъ паллятивно.

Д-ръ Massei предлагаетъ противъ зловоннаго язвеннаго насморка присыпку порошкомъ каломеля; въ случаяхъ, гдѣ носовые ходы сужены гипертрофіей слизистой оболочки, онъ употребляетъ катетеризацію бужами, какъ это дѣлается при суженіи мочеиспускательнаго канала.

Проф. Навратиль предложилъ новый расширитель противъ суженій гортани, который представляетъ катетерообразно-изогнутую трубку съ широкимъ оливко-образнымъ наконечникомъ. Последній состоитъ изъ четырехъ створокъ, которыя раскрываются помощью винта, находящагося на противоположномъ концѣ. Преимущество этого снаряда передъ другими заключается въ томъ, что онъ не закрываетъ просвѣта гортани какъ полный расширитель и даетъ мѣсто для свободного выхода воздуха.

Д-ръ Шилтовъ открылъ въ мятѣ хорошее анестетическое средство противъ чувствительности слизистой оболочки и тѣмъ далъ возможность ларингоскопистамъ пользоваться при изслѣдованіи гортани не сильно дѣйствующимъ средствомъ въ случаяхъ чрезмѣрнаго раздраженія зѣва.

Тотъ-же авторъ изобрѣлъ надгортанный пинцетъ для приподниманія и оттягиванія надгортаннаго хряща въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ послѣдній бываетъ сильно опущенъ внизъ и мѣшаетъ изслѣдованію или производству операціи въ гортани. Преимущество этого инструмента заключается въ томъ, что онъ приподнимаетъ надгортанный хрящъ, не касаясь его, а слѣ-

довательно не вызывая судорожных сокращений частей. Онъ захватываетъ lig. glosso-epigl. median. и при помощи нитки оттягиваетъ надгортанный хрящъ.

Вотъ перечень болѣе замѣчательныхъ открытій и изобрѣтеній, сдѣланныхъ, въ теченіе 1878 года, въ области риноскопіи и ларингоскопіи. —

За позднимъ временемъ, сообщеніе д-ра *Чушина* было отложено до слѣдующаго засѣданія.

Протоколъ засѣданія 21 марта.

Присутствовали, подъ предѣлательствомъ проф. И. К. Зарубина, слѣдующіе члены медицинской секціи общества опытныхъ наукъ: Андрузскій, Беллинъ, Ковалевскій, Пономаревъ, Тихоновичъ, Шилтовъ и Ясинскій; гости — д-ръ Владыковъ и многіе изъ студентовъ V курса медицинского факультета.

Секретарь заявилъ о полученіи слѣдующихъ книгъ и статей: а) Д-ра *Томашевского*, Отчетъ о санитарныхъ осмотрахъ г. Харькова за 1878 годъ. б) *Его-же*, О санитарной статистикѣ г. Харькова. в) Протоколы засѣданій кавказскаго медицинскаго общества № 16 и 17. г) Записки кievскаго общества естествоиспытателей; и е) Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ и пр. за 1877 годъ. —

Секретарь заявилъ о полученіи отъ кievскаго общества естествоиспытателей просьбы оказать матеріальное содѣйствіе изданію Указателя за 1877 годъ, причемъ редакція сообщаетъ, что Указатель по медицинѣ будетъ приостановленъ и будетъ издаваться только Указатель по естественнымъ наукамъ. — Постановили: Принять къ свѣдѣнію. —

Сдѣлано было сообщеніе д-ромъ *Андрузскимъ* — «Судебно-психіатрическій случай убійства въ состояніи скоропреходящаго помѣ-

пательства». Обстоятельства дѣла слѣдующія. Инкульпатъ — рядовой, 46 лѣтъ, сынъ отца потатора и матери, страдавшей застарѣлымъ сифилисомъ. Самъ инкульпатъ въ дѣтствѣ страдалъ золотухою и сильными головными болями, а въ 1877 году, лѣтъ около 44 отъ роду, имѣлъ приступъ головокруженія съ безпамятствомъ. — 25 ноября 1878 г., чувствуя себя нездоровымъ, инкульпатъ явился къ валковскому воинскому начальнику за разрѣшеніемъ лечь въ больницу и съ его разрѣшенія въ тотъ-же день былъ помѣщенъ въ валковскую городскую больницу. Въ тотъ-же день, 25 ноября, инкульпатъ, сбросивши больничную одежду и похитивши собственную, ушелъ изъ больницы, и только на другой день, 26 ноября, былъ найденъ въ церкви и приведенъ обратно въ больницу, гдѣ и находился подъ строгимъ надзоромъ. 26 и 27 ноября онъ обнаруживалъ головную боль, приступы головокруженія, то съ безпамятствомъ, то при сознаніи, и бессоницу. 28 ноября, подъ вліяніемъ лѣченія, ему стало лучше. Вечеромъ этого дня, служитель, приставленный къ больному, не смотря на строгое приказаніе медика и смотрителя не выпускать больного изъ камеры, выпустилъ и пригласилъ больного поужинать съ собою. Инкульпатъ взялъ только двѣ картофелины и ножъ и отправился въ свою камеру. Когда служитель пришелъ къ нему въ камеру, то инкульпатъ моментально бросился на него и нанесъ ему ножомъ пять ранъ, изъ которыхъ одна была смертельная, такъ-какъ пронизывала сердце насквозь. На крикъ умирающаго служителя прибѣжали еще служители и хотѣли схватить преступника, но послѣдній обратился въ бѣгство, защищаясь ножомъ, — при чемъ нанесъ себѣ три поверхностныя раны въ области живота. Наконецъ его схватили. На другой день инкульпатъ смутно припоминалъ прошлое, однако передалъ, что на него первый напалъ служитель съ ножомъ и нанесъ ему три поверхностныя раны. Стараясь защититься отъ нападенія, онъ выхватилъ у служителя ножъ и не

знаеть — избилъ ли его или нѣтъ. Черезъ нѣсколько дней онъ не помнилъ ничего какъ о самомъ происшествіи, такъ и о томъ, что передавалъ онъ судебному слѣдователю на другой день преступленія. Послѣ преступленія инкульпаты находился въ состояніи депрессіи. 27 января 1879 г. инкульпаты присланы были для испытанія умственныхъ способностей въ харьковскую губернскую земскую больницу, гдѣ не обнаружилъ никакого умственного разстройства.

Д-ръ Ковалевскій произвелъ судебно-психіатрическій анализъ указаннаго случая. На основаніи патологическаго antecedenta, картины преступленія, хода преступленія, исхода болѣзни и принимая во вниманіе ученіе Фальре, Маудсли, Краффта-Эбинга, Труссо, Замта и др. относительно подобныхъ случаевъ, Ковалевскій приходитъ къ тому заключенію, что данный случай относится въ категоріи психической эпилепсіи и при томъ — къ острой формѣ ея. Рядомъ съ этимъ онъ привелъ изъ собственной госпитальной практики случай протрагирующей психической эпилепсіи. Между прочимъ г. Ковалевскій остановился на болѣ тщательномъ разсмотрѣніи забывчивости эпилептиковъ послѣ припадковъ о содержаніи приступовъ ихъ припадковъ, какъ на одномъ изъ важныхъ признаковъ эпилептического помѣшательства.

По-поводу этого сообщенія проф. Зарубинъ замѣтилъ, что послѣ травматическихъ пораженій иногда наступаетъ забывчивость, которая относится не только къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ травму, но и нѣсколько предшествовавшимъ ей.

Д-ръ Андрузскій замѣтилъ, что, при взрывѣ монитора во время прошлой войны, изъ всѣхъ бывшихъ на мониторѣ спасся одинъ турокъ, который такъ оглушонъ былъ взрывомъ, что не помнилъ не только обстоятельствъ взрыва, но и нѣкоторыхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ ему. —

Д-ръ Шилтовъ сообщилъ «Объ удаленіи инородныхъ и искусственныхъ полипообразныхъ тѣлъ изъ гортани животныхъ». Въ

дахъ усовершенствованія въ производствѣ операций въ гортани
человѣка необходимы предварительныя упражненія на животныхъ.
Въ своемъ сообщеніи авторъ на этотъ разъ остановился на извле-
ченіи инородныхъ и искусственныхъ полипообразныхъ тѣлъ изъ
гортани животныхъ. Собакѣ или кошкѣ вводятся въ полость гор-
тани различныя инородныя тѣла, какъ напр. восковые шарики,
кофейныя зерна, рыбы косточки и т. д., и затѣмъ посредствомъ
извѣстныхъ снарядовъ послѣднія извлекаются вонъ. Къ тѣламъ
этимъ прикрѣпляется длинная нитка, конецъ которой виситъ изо
рта. Полипообразныя тѣла производятся въ гортани искусственно
слѣдующимъ образомъ. Берутся различной формы куски мяса,
хряща и пр., послѣ трахеотоміи вводятся снаружи въ полость
гортани и тамъ пришиваются къ стѣнкамъ послѣдней въ раз-
личныхъ мѣстахъ; затѣмъ помощію гортаннаго зеркала тѣла эти
извлекаются изъ гортани натуральнымъ путемъ. —

Гг. *Владыковъ* и *Захаржевскій* заявили желаніе быть чле-
нами секціи, на основаніи § 2 устава. Постановлено: Внести въ
списокъ дѣйствительныхъ членовъ. —

Въ этомъ-же засѣданіи постановлено печатать въ мѣстной
газетѣ «Харьковскія вѣдомости» краткіе рефераты о сообще-
ніяхъ, сдѣланныхъ въ каждомъ засѣданіи секціи.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I.

СУДЕБНО-ПСИХІАТРИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ СКОРОПРЕХОДЯЩЕЙ
ФОРМЫ ПОМЪЩАТЕЛЬСТВА.

М. И. Андрузскаго.

Во всякой наукѣ, а тѣмъ болѣе молодой, тщательное изученіе отдѣльныхъ случаевъ представляетъ интересъ, такъ-какъ изъ массы таковыхъ случаевъ дѣлаются общіе выводы и положенія. Въ судебной же психіатріи знакомство съ отдѣльными случаями имѣетъ еще и другой смыслъ: каждый отдѣльный случай самъ по себѣ имѣетъ значеніе и заслуживаетъ того, чтобы болѣе или менѣе подробно ознакомиться съ нимъ, особенно же если этотъ случай по чему-либо представляетъ интересъ, выделяющій его изъ ряда другихъ подобныхъ случаевъ. Таковой, не лишенный значительнаго интереса, случай мнѣ пришлось наблюдать въ отдѣленіи д-ра Ковалевскаго, съ согласія котораго я и сообщаю его. Случай этотъ представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, инкульпаты безъ всякаго повода и причины убиваетъ совершенно неповиннаго человѣка; малъ того, — человѣка, сдѣлавшаго ему одолженіе; во-вторыхъ, убиваетъ его самымъ ужаснѣйшимъ образомъ; въ-третьихъ, дѣлаетъ это въ больницѣ при обстановкѣ, гдѣ предусмотрѣны бы-

всякія случайности и несчастія подобнаго рода, и, въ-четвертыхъ, — по многимъ другимъ деталямъ, которыя изложены будутъ въ моемъ сообщеніи. Между прочимъ въ этомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе еще то, какъ часто медикамъ и другимъ лицамъ, близко стоящимъ къ психопатамъ, грозитъ опасность потери жизни или же непоправимаго увѣчья. Стоять вспомнить смерть великихъ тружениковъ науки, д-ровъ Ameelung'a, Geoffroi и другихъ, которые пали подъ ножомъ помѣшанныхъ.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, я осмѣливаюсь почти тѣлѣннѣе предложить вниманію просвѣщеннаго общества наблюденный мною случай.

Настоящее состояніе. Рядовой Семенъ Вовкъ поступилъ въ испытуюмую палату харьковской губернской земской больницы 27 января 1879 года. При изслѣдованіи его оказалось: ростъ Вовка 2 арш. $5\frac{1}{8}$ верш., объемъ груди 1 арш. 5 верш. Наибольшая окружность головы $53\frac{1}{2}$ сант., прямой діаметръ 17 сант., поперечный 14 сант., лѣвый косой 16 сант., правый косой 16 сант. Форма головы правильная, шарообразная; ассиметріи въ строеніи и развитіи костей головы не замѣчается; на обѣихъ *cristae tibiae* разлитое утолщеніе.

При взглядѣ на больного замѣчаемъ, что его лицо перекошено съ лѣва на право, при-чемъ лѣвая половина лица, считая отъ средней линіи, немного приподнята къ верху; а правая какъ-бы немного опущена къ низу; при этомъ правый глазъ стоитъ какъ-бы ниже лѣваго, равно какъ и правый уголъ рта опущенъ ниже, чѣмъ лѣвый, такъ-что *orificium oris* имѣетъ косое направленіе. Языкъ, при высовываніи изъ полости рта, слегка дрожитъ и отклоняется немного въ правую сторону; подобное же отклоненіе замѣчается и на *uvula*, при открытомъ ртѣ больного. Общее выраженіе лица больного совершенно покойное съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти и задумчивости. Видимыя слизистыя оболочки нѣсколько блѣдны и малокровны; на

лѣвомъ вискѣ больного замѣчается полукруглый, бѣловатый, неправильной формы рубецъ (скорѣе — звѣздчатой формы), оставшійся отъ бывшаго въ дѣтствѣ въ этой области нарыва. Грудь больного довольно хорошо, но неправильно (несимметрично) развита, при-чемъ правая ея половина развита сравнительно слабѣе, чѣмъ лѣвая, какъ-бы нѣсколько площе; лѣвая же сторона болѣе выпукла; мышцы лѣвой половины груди тоже нѣсколько болѣе развиты, чѣмъ правой; правый сосокъ стоитъ ниже лѣваго, приблизительно на $\frac{1}{2}$ вершка. При изслѣдованіи больного сзади находимъ, что правое плечо стоитъ ниже лѣваго, равно какъ и правая лопатка опущена ниже лѣвой; на правой рукѣ въ области плечевого сустава замѣчается незначительное, какъ-бы атрофическое состояніе *m. deltoidei*, сравнительно съ лѣвымъ плечомъ; утолщеній и другихъ ненормальностей на костяхъ грудной клѣтки, кромѣ сказанныхъ, не замѣчается.

При изслѣдованіи области живота, который представляется немного вздутымъ, замѣчаемъ въ-право отъ *linea alba*, приблизительно въ правой подвздошной области и немного выше, три свѣжезажившихъ линейныхъ рубца. Въ правой паховой области и на внутренней сторонѣ праваго бедра тоже находится два бѣлыхъ, серебристыхъ рубца, которые остались, по словамъ больного, послѣ бывшихъ въ этой области еще въ дѣтствѣ двухъ нарывовъ. Страданіе сифилисомъ больной совершенно отвергаетъ, и при изслѣдованіи члена на немъ нигдѣ не замѣтно ни рубцовъ, ни пигментации. Паховыя, а равно и другія лимфатическія железы не увеличены. При стоячемъ положеніи больного не трудно замѣтить, что вся правая половина туловища стоитъ какъ-бы немного ниже относительно лѣвой, которая представляется немного приподнятою къверху, правая же, напротивъ, немного опущена къ низу и ея мышцы какъ-бы потеряли свой тонусъ. Если заставить больного вытянуть обѣ руки и раздвинуть пальцы, то замѣчается небольшое дрожаніе въ

пальцахъ обѣихъ рукъ, на мышцахъ же плеча и предплечья обѣихъ рукъ по-временамъ замѣчается подергиваніе отдѣльныхъ мышцъ, или же отдѣльныхъ группъ ихъ. Замѣтной неловкости, косолапости въ походкѣ больного не замѣчается; равно какъ не замѣтно, чтобы была неловкость и при употребленіи обѣихъ рукъ, хотя ясно видно, что правая половина туловища немного опущена и ея мышцы какъ-бы слегка атрофированы.

При объективномъ изслѣдованіи органовъ груди оказалось, что легкія совершенно здоровы; область сердечной тупости въ предѣлахъ нормы, тоны сердца немного слабы, но чисты; пульсъ нѣсколько слабый, замедленный, до 60 въ минуту. Температура тѣла нормальна, 37,5 С. Дыханіе смѣшаннаго типа, отъ 18 до 20 въ минуту. Органы полости живота ничего ненормального не представляютъ. Аппетитъ у больного хорошій, отправленіе желудочно-кишечнаго канала нормально. Мочеполовые органы функціонируютъ правильно. Сонъ больного безпокойный, прерывистый; онъ часто ночью просыпается безъ всякой, по-видимому, причины и въ первые минуты послѣ пробужденія какъ-бы чего-то боится. Ясно выраженной идеи преслѣдованія, равно какъ и безпокойныхъ сновидѣній не бываетъ и никогда ничѣмъ подобнымъ больной и не страдалъ.

Органы зрѣнія и слуха функціонируютъ правильно; иллюзій и галлюцинацій въ нихъ нѣтъ. Обоняніе и вкусъ нѣсколько притуплены, — больной можетъ хорошо и правильно различать и вѣрно опредѣлять только рѣзкіе (интензивные) вкусы и запахи. Кожная чувствительность правой и лѣвой сторонъ тѣла одинаковы и ничѣмъ не отличаются отъ нормы. Чувство мѣста сохранено хорошо и во время изслѣдованія больной постоянно даетъ вѣрные и точные отвѣты и вообще ориентированъ хорошо. Изслѣдованіе мышечной силы динамометромъ обнаружило, что мышечная сила правой руки немного болѣе, чѣмъ лѣвой, не смотря на то, что правая рука и вообще вся правая половина тѣла,

считая отъ средней линіи, представляетъ нѣкоторое атрофическое состояніе мышцъ; цифровое отношеніе правой и лѣвой мышечной силы рукъ — какъ 40 : 35.

На-видъ больной представляется грустнымъ, какъ-бы нѣсколько задумчивымъ; онъ вообще неразговорчивъ, съ больными малообщителенъ; ко всему его окружающему, равно какъ и къ самому себѣ относится совершенно индифферентно, ничѣмъ окружающимъ не интересуется, ни во что не вникаетъ и не всматривается. По-временамъ, во время разспросовъ о его семействѣ, дѣлается еще болѣе грустенъ, задумчивъ и по-временамъ начинаетъ плакать, при-чемъ говоритъ, что сильно скучаетъ за своимъ семействомъ и желалъ бы съ нимъ видѣться.

Движенія больного вообще ограниченны, вялы и замедленны; совершаетъ онъ ихъ мало и съ большею охотой сидитъ или лежитъ на своей кровати. На предлагаемые вопросы отвѣчаетъ не особенно словоохотливо и большею частью даетъ отвѣты односложные, короткіе. Воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній безъ особенностей. Способность припоминанія ослаблена въ значительной степени, и въ ней замѣчаются значительные дефекты (особенно плохо помнитъ больной обстоятельства, при которыхъ онъ совершилъ преступленіе, такъ-что этотъ случай изъ его жизни совершенно пропалъ для его памяти, — онъ помнитъ только то, что было до этого случая, равно какъ и то, что было послѣ; самый же случай для него совершенно потерянъ). Кругъ возрѣній больного, равно какъ и его интеллектуальное развитіе очень ограниченны. Сужденія больного, равно какъ и заключенія о вещахъ для него доступныхъ совершенно правильны, логичны и осмысленны. Сообразительность больного вообще ослаблена и нѣсколько замедлена; явныхъ несообразностей при всевозможныхъ разспросахъ больного не удалось подмѣтить. Общее его поведеніе во все время пребыванія въ больницѣ представляетъ полную покорность и послушаніе: онъ учтивъ и вѣжливъ, робокъ

и послушенъ. Вскорѣ по поступленіи въ больницу Вовкѣ едѣлся болѣе словоохотливъ, менѣе задумчивъ и не такъ сильно грустенъ, какъ въ первые дни. Сонъ едѣлся гораздо покойнѣе, и безотчетное чувство страха тоже совершенно прошло. Вовкѣ — хорошій работникъ и очень добрый человѣкъ.

Предшествовавшее состояніе. Семенъ Ивановъ Вовкѣ передаетъ, что родился отъ здоровыхъ родителей. Отецъ и мать его пили водку въ значительномъ количествѣ, кромѣ того мать его страдала болѣзью, по характеру своему очень похожую на сифилисъ, другіе же члены семейства совершенно здоровы и никогда не страдали никакими, ни нервными припадками, ни психозами. Вовкѣ женою, жена его совершенно здоровая женщина, имѣетъ одного ребенка — дѣвочку, которая тоже совершенно здорова и никогда не страдала никакими нервными припадками, или психозами. Въ дѣтствѣ Вовкѣ имѣлъ нарывъ на лѣвомъ вискѣ, отъ котораго остался и до сихъ поръ неправильный, бѣловатый, звѣздчатый рубецъ. Кромѣ того, помнитъ, что въ дѣтствѣ страдалъ довольно часто періодическими головными болями и по-временамъ головокруженіемъ. На 26-мъ году принятъ былъ по-набору въ военную службу и во все время службы, какъ видно изъ послужного списка, велъ себя хорошо, былъ постоянно исправенъ и исполнительнъ, не подвергался штрафамъ и не былъ подѣ судомъ, имѣетъ даже нашивку за безпорочную службу. Въ теченіи всей своей жизни никогда не злоупотреблялъ спиртными напитками.

Передъ совершеніемъ преступленія находился на службѣ въ Новой Водолагѣ, при артиллерійскомъ складѣ. Въ 1877 году, по словамъ больного, съ нимъ былъ припадокъ, который выразился головокруженіемъ и безпамятствомъ. Состояніе это длилось недолго; но что съ нимъ въ это время дѣлалось, онъ совершенно ничего не помнилъ; равно какъ не помнить и того, что онъ дѣлалъ во время самаго припадка. За-тѣмъ изъ свѣдѣній, имѣю-

щихся при дѣлѣ, видно, что передъ совершеніемъ преступленія Вовкъ былъ отправленъ изъ Новой Водолаги въ г. Валки къ военскому начальнику, какъ больной, съ тѣмъ, чтобы быть помѣщеннымъ въ больницу. Состояніе, въ которомъ находился Вовкъ въ это время, онъ описываетъ такъ, что у него была горячка: «какъ бы огонь въ головѣ и во всемъ тѣлѣ, — что же потомъ было сонной, я хорошенько не помню». Не помнилъ также — самъ ли пришелъ въ больницу отъ военного начальника, или же его привели. Сталъ же себя помнить и сознательно относиться ко всему окружающему, равно какъ и къ себѣ самому, послѣ того, когда ему въ больницѣ была поставлена мушка. Товарищи по службѣ Вовка говорятъ, что онъ никогда прежде ничѣмъ не болѣлъ, но, передъ отправленіемъ его въ Валки къ военскому начальнику, жаловался на головную боль, жаръ въ головѣ и головокруженіе. Со всѣми такими страданіями онъ и былъ препровожденъ военскимъ начальникомъ въ больницу 26 ноября и помѣщенъ въ общую палату для больныхъ нижнихъ чиновъ; прибавимъ къ этому, что Вовкъ отъ военного начальника пошелъ самъ въ больницу и ждалъ у воротъ больницы нѣсколько часовъ посланнаго съ бумагою, по которой онъ долженъ былъ быть принятымъ въ больницу. Вечеромъ, между 8 и 9 часами, Вовкъ сбросилъ съ себя больничное платье, бѣлье и переодѣлся въ свое собственное платье, которое еще не было убрано, а находилось въ другой палатѣ, и никѣмъ незамѣченный ушелъ изъ больницы. При этомъ какъ самъ Вовкъ, такъ и окружающіе не могутъ опредѣлить каковы были мотивы у Вовка, которые побудили его уйти изъ больницы, тогда какъ передъ тѣмъ онъ самъ просился у военного начальника, чтобы его отправили туда. На другой день послѣ побѣга изъ больницы, Вовка нашли въ церкви (утромъ) при чемъ совершенно безъ сопротивленія съ его стороны, онъ былъ обратнотведенъ въ больницу. На этотъ разъ Вовка помѣстили уже въ общей палатѣ, а въ арестантскомъ помѣщеніи, куда обяза-

венно помѣщались арестованные и такіе больные, у которыхъ предполагалось помѣшательство. Въ первые дни пребыванія въ больницѣ Вовкѣ обнаруживалъ припадки головокруженія, по-временамъ съ безпамятствомъ, а по-временамъ безъ потери сознанія, головныя боли, спутанность идей и бессонницу (какъ это видно изъ скорбнаго листа при дѣлѣ). Всѣ эти болѣзненные явленія, подъ вліяніемъ мушки и хлораль-гидрата, почти совершенно прошли, и самъ Вовкѣ чувствовалъ себя гораздо здоровѣе, такъ-что 28 ноября онъ уже совершенно успокоился, и служитель по временамъ отпиралъ даже комнату, въ которой находился Вовкѣ, и началъ даже съ нимъ дѣлать время, принимая въ немъ участіе какъ въ человѣкѣ больномъ. Вечеромъ того-же 28 ноября служитель пригласилъ Вовку къ себѣ ужинать въ сосѣднюю комнату. Вовкѣ вошелъ, взялъ ножъ, хлѣбъ и нѣсколько картофелинъ и ушелъ къ себѣ въ комнату. Когда черезъ нѣсколько минутъ служитель вошелъ къ нему въ комнату, то, по словамъ служителя, бывшаго жертвою преступленія, Вовкѣ бросился на него съ ножомъ, которымъ онъ рѣзалъ хлѣбъ, и нанесъ ему пять ранъ, изъ которыхъ одна была безусловно смертельна, потому что проникла прямо въ сердце (между 5 и 6 ребрами), какъ видно изъ протокола вскрытія врачомъ. Другія 4 раны были поверхностны. Спустя нѣсколько часовъ служитель умеръ. Самъ же Вовкѣ передаетъ это обстоятельство такъ, что Ивановъ (такъ звали служителя больницы) вошелъ къ нему въ комнату съ ножомъ и, показавъ ему ножъ, сказалъ — «вотъ твоя смерть». При этомъ Вовкѣ спросилъ его: что ты шутишь; но служитель бросился на него съ ножомъ съ намѣреніемъ убить его, и какъ Вовкѣ ни старался избѣжать нападеній Иванова, но это ему не удалось. И вотъ онъ самъ бросается на Иванова, выхватываетъ у него ножъ и затѣмъ что было дальше — совершенно не помнить и опомнился только тогда, когда его опять привели въ больницу. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что послѣ совершенія убійства Вовкѣ съ

ножемъ въ рукахъ, въ окровавленномъ и изорванномъ бѣльѣ, бросился бѣжать по улицѣ. Когда же его настигли служители больницы и хотѣли схватить, то онъ началъ отбиваться отъ нихъ ножомъ; и только послѣ того, когда одинъ изъ служителей выбилъ у Вовка лѣвой рукой ножъ изъ рукъ, имъ удалось схватить его и привести обратно въ больницу.

Раны и рубцы, которые находятся на тѣлѣ Вовка, сдѣланы ему, по словамъ Вовка, служителемъ Ивановымъ въ то время, когда онъ хотѣлъ его убить, а Вовкъ сопротивлялся. Всѣ эти свѣдѣнія были даны Вовкомъ на другой день послѣ совершенія убійства, при допросѣ его судебнымъ слѣдователемъ, и въ такой формѣ они записаны и находятся при дѣлѣ. Послѣ же поступленія Вовка въ больницу въ Харьковѣ въ отдѣленіе для душевно-больныхъ, онъ не только что не помнитъ того, что говорилъ слѣдователю на допросѣ, но не помнитъ даже и того, что случилось съ Ивановымъ, живъ ли послѣдній или нѣтъ, дрался ли онъ съ нимъ или нѣтъ. Словомъ сказать, самое убійство совершенно исчезло изъ его памяти: оно какъ-бы никогда не существовало, и Вовкъ не можетъ повторить и подтвердить тѣхъ своихъ показаній, которыя давалъ на другой день послѣ происшествія слѣдователю.